

МОНАРХИЗМ И НАРОДНОСТЬ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ»

© 2018 И. М. Бочарова¹, Е. А. Волкова², Е. В. Фролова³

¹доцент кафедры философии социологии и истории
канд. филос. наук

e-mail: philosophy_kaf@vgasu.vrn.ru

²доцент кафедры философии социологии и истории
канд. ист. наук

e-mail: volkne@bk.ru

³доцент кафедры философии социологии и истории
канд. филос. наук

e-mail: frolov-elen@yandex.ru

Воронежский государственный технический университет,

В статье анализируется эволюция общественно-исторических и политических взглядов Ф. М. Достоевского на примере «Дневника писателя». Актуальными в творчестве Ф.М. Достоевского являются вопросы об исторических идеалах и положении русского народа, а также роли народа в истории. Социальные условия после отмены крепостного права, нищета, своеобразие и самобытность русского народа – это основные темы для размышлений писателя. Авторы приходят к выводу, что особое внимание писатель уделял роли российских правителей в проведении социально-политических и исторических преобразований. Многие поставленные писателем темы российской истории оказались весьма актуальными, полезными и современными для решения проблемы выбора путей развития России.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, общественная деятельность, социально-исторические воззрения, монархизм, русский народ, народность, история России.

Органической частью мировоззрения Ф.М. Достоевского, сердцевиной его социально-политических и исторических воззрений являлись монархические настроения и мироощущения. В дореформенной и пореформенной России монархизм составлял неотъемлемую часть мироощущений русского народа, не знавшего иной формы правления, кроме абсолютной монархии. В то же время писатель исследовал роль русского народа как движущей социальной силы российского общества. В своем творчестве мыслитель стремился выступить примирителем интересов верховной российской власти и народа. Ф.М. Достоевский не был профессиональным историком. Однако с ранней юности он проявлял глубокий и постоянный интерес к истории России и русского народа, особенно к переломным периодам, к темам взаимоотношений монарха и народа. Об этом свидетельствует первое драматическое сочинение будущего писателя – драма «Борис Годунов», впоследствии уничтоженная автором. В статье «Одна из современных фальшей» (Гражданин. 1873. №50) Достоевский отмечал свой ранний интерес к отечественной истории, раннее знакомство с историческими сочинениями Н.М. Карамзина. «Мне было всего лишь десять лет, когда я уже знал почти все главные эпизоды русской истории из Карамзина, которого вслух по вечерам нам читал отец» [Достоевский 1972: 21: 134]. По воспоминаниям А.Г. Достоевской, в домашней библиотеке Федора Михайловича «было много книг, подаренных ему друзьями-писателями с их посвящениями; много было серьезных произведений по

отделам истории и старообрядчества, которым Федор Михайлович очень интересовался» [Достоевская 1987: 228]. Хотя ряд событий российской истории получил отражение в некоторых художественных сочинениях Достоевского, исследование наиболее значительных исторических фактов и явлений наиболее полно освещено в публицистике писателя, прежде всего в журнальных статьях, заметках, письмах и в «Дневнике писателя». Достоевский делил историю допетровской Руси на период Древней Руси (до XVI в.) и «московский период» (XVI–XVII вв.). В Древней Руси мыслитель, не различая социальных противоречий, видел «здоровое свободное земство, которое жило широкой жизнью в первые шесть веков нашего исторического быта» [Достоевский 1980: 20: 12]. Эти оценки истории Древней Руси носили утопический характер. В журнальных публикациях Достоевский неоднократно обращался к российской исторической проблематике, прежде всего к узловым периодам и темам истории. Одной из таких узловых проблем для Достоевского стала эпоха Петра Великого, образ самого монарха-самодержца, сравнение допетровской и послепетровской России. К этой же проблематике обращались и славянофилы. Мыслитель, в отличие от славянофилов, не идеализировал допетровскую Русь.

В статье «Два лагеря теоретиков» (Время. 1862. №2) Достоевский, полемизируя со славянофилами, отмечал: «Допетровская Русь привлекает к себе наше внимание, она дорога нам – но почему? Потому что нам видна целостность жизни, там, по-видимому, один господствует дух; тогда человек, не так, как теперь, чувствовал силу внутренних противоречий самому себе или, лучше сказать, вовсе не чувствовал; в той Руси, по-видимому, мир и тишина... Но в том-то и беда, что допетровская Русь и московский период только видимостью своей могут привлекать наше к себе внимание и сочувствие. А если повнимательнее взглянуть в эту, по-видимому, чудную картину, в отдалении рисующуюся нашему воображению, мы найдем, что не всё то золото, в ней, что блестит... Она потому и хороша, что вдалеке от нас, что её показывают при искусственном освещении. Посмотря на нее вблизи, найдешь, что тут и краски слишком грубы, и фигуры аляповаты, и в целом что-то принужденное, натянутое, ложное...» [Там же].

И далее он продолжал: «Нельзя московскую, допетровскую жизнь признавать за истинное, лучшее выражение жизни народной. Действительно, лжи и фальши в допетровской Руси – особенно в московский период – было довольно... Ложь в общественных отношениях, в которых преобладало притворство, наружное смирение, рабство и т.п. Ложь в религиозности, под которой если и не таилось грубое безверие, то по крайней мере скрывались или апатия, или ханжество. Ложь в семейных отношениях, унижавшая женщину до животного, считавшая ее за вещь, а не за личность... В допетровской, московской Руси, было чрезвычайно много азиатского, восточной лени, притворства, лжи» [Там же]. Достоевский при этом не отрицал в полной мере значения петровских преобразований. Рассуждая о характере реформ, отделял русское, национальное в их содержании от европейского, антинародного. В статье первой «Книжность и грамотность» из серии «Ряд статей о русской литературе» (Время. 1861. №7–8) он писал: «Народ не мог видеть окончательной цели реформ, да вряд ли кто-нибудь понимал ее даже из тех, кто пошел за Петром, даже из так называемых “птенцов гнезда Петрова”, они пошли за преобразователем слепо и помогали власти ради своих выгод. <...> Но то, что было в реформе нерусского, фальшивого, ошибочного, то народ угадал разом, с первого взгляда, одним чутьем своим...» [Достоевский 1979: 19: 18].

Реформы в действительности коснулись только верхушки, весьма узкой части российского общества, но практически содержательно не затронули народные массы, ощутившие только усиленную эксплуатацию, жестокость и громадное напряжение социальных сил. По справедливому замечанию Достоевского, петровские реформы

раскололи российское общество. Как всегда, Достоевский на первое место выдвигал народ, его интересы. Реформы не дошли до народа. В статье «Два лагеря теоретиков» он писал: «...Реформа Петра оторвала одну часть народа от другой, главной... Реформа шла сверху вниз, а не снизу вверх. Дойти до нижних слоев народа реформа не успела. ...Преобразование и не могло охватить весь народ: народ переделать очень трудно. Для этого мало железной воли одного человека. Развитие народа совершенствуется веками... Вот в том-то и была ошибка Петра, что он захотел сразу – за свою одну жизнь – переменить нравы, обычаи и воззрения русского народа. Деспотизм реформаторских приемов возбуждал только реакции в массе. ...Реформа Петра принесла в нашу русскую среду главным образом общечеловеческие западные элементы. На первый раз у нас водворилась только страшная распущенность нравов, немецкая бюрократия – чиновничество» [Достоевский 1980: 20: 14].

Первые публикации «Дневника писателя» относятся к 1873 г. В очерке «Старые люди» (Гражданин. 1873. №1) Достоевский обратился к сложной теме – анализу причин и истоков появления социализма в России. Очерки содержали субъективные критические, упрощенные высказывания Достоевского в адрес Белинского и Герцена. Белинский представлялся таким типом социалиста, который «в новые нравственные основы социализма... верил до безумия и безо всякой рефлексии; тут был один лишь восторг» [Достоевский 1980: 21: 10]. Достоевский критиковал атеизм Белинского: «Он знал, что революция должна непременно начинать с атеизма. Ему надо было низложить ту религию, из которой вышли нравственные основания порицаемого им общества. Семейство, собственность, нравственную ответственность личности он отрицал радикально» [Там же]. Причиной обращения Герцена к социализму писатель считал «сердечную пустоту на родине» [Там же: 9]. Достоевский осуждал подстрекательства к революции со стороны Герцена, отрицание им собственности. Царистские настроения, боязнь и неприятие революции, революционного насилия в любых формах нередко приводили Достоевского к субъективистским, ложным выводам и оценкам. В очерке «Нечто личное» (Гражданин. 1873. №3) Достоевский оправдывался по поводу обвинений в адрес Н.Г. Чернышевского в рассказе «Крокодил». Демократическая общественность увидела в этом сочинении пасквиль на Чернышевского, находившегося в сибирской ссылке. Достоевский отмечал, что, несмотря на расхождения во взглядах, он не мог допустить оскорблений человека, пребывавшего, как когда-то он сам, в ссылке. «Можно очень уважать человека, расходясь с ним в мнениях радикально», – писал он [Там же: 29].

Очерк «Влас» (Гражданин. 1873. №4) поднимал проблему роли русского народа и спасения России. Достоевский очень точно характеризовал главные черты русского народа: «...Потребность страдания, всегдашнего и неутолимого, везде и во всем. Этою жаждою страдания он, кажется, заражен искони веков. Страдательная струя проходит через всю его историю, не от внешних только несчастий и бедствий, а бьет ключом из самого сердца народного. У русского народа даже в счастье непременно есть часть страдания, иначе счастье его для него неполно» [Там же: 36]. Достоевский сам страдал в жизни, ему хорошо были знакомы разные оттенки и формы страданий – и физических, и моральных, и душевных. Его герои, в отличие от героев произведений других русских писателей, испытывают постоянные мучительные страдания.

Социально-исторический аспект публицистики Достоевского звучит в статье «Одна из современных фальшей» (Гражданин. 1873. №50). Здесь Достоевский писал о петрашевцах, сравнивал их с нечаевцами. «Дело же петрашевцев – это такое давнопрошедшее дело, принадлежит к такой древнейшей истории, что, вероятно, не будет никакого вреда из того, что я о нем припоминаю...» [Там же: 130]. В этом же материале писатель вспоминал о своих чувствах во время инсценировки казни на

Семеновском плацу [Достоевский 1980: 21: 133]. Эти воспоминания легли в основу рассуждений князя Мышкина в романе «Идиот».

Во второй половине 1870-х гг. Достоевский чередовал выпуск дневниковых очерков с подготовкой художественных произведений – фундаментальных романов, с публицистикой. Материалы своих дневниковых записей писатель часто использовал при написании романов. «Дневник писателя» открылся в январе 1876 г. изображением острых социальных проблем российской действительности. В главе «Мальчик с ручкой» Достоевский, верный собственной традиции поиска правды, обратился к теме обездоленного детства, страданиям маленьких детей в обстановке нищеты и беспросветного пьянства взрослых. «Там, в подвалах, пьянствуют с ними их голодные и битые жены, тут же пищат голодные грудные их дети. Водка, и грязь, и разврат, а главное, водка. С набранными копейками мальчишку тотчас же посылают в кабаки, и он приносит еще вина. В забаву и ему иногда нальют в рот косушку и хохочут, когда он, с пресекающимся дыханием, упадет чуть не без памяти на пол...» [Достоевский 1981: 22: 13–14].

В рассказе «Мальчик у Христа на ёлке» в январском номере «Дневника писателя» Достоевский со свойственной ему прямоотой изобразил контраст между богатой Рождественской ёлкой и нищетой петербургских детей, погибавших от голода, холода и болезней в период рождественских праздников [Там же: 14–17]. Тема детства ставилась Достоевским в декабрьском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. в связи с серией судебных процессов над истязателями детей (дела Корниловой, Джунковских, Кронеберга и др.). Темы родителей и детей, отношений между супругами в семьях, психологического и нравственного состояния русской семьи волновали Достоевского на протяжении всех лет публикации «Дневника». В «Дневнике писателя» тема обездоленного детства, бедственного положения детей выдвигалась на первый план. Монархические, охранительные воззрения Достоевского входили в противоречие с российской действительностью. Он, с одной стороны, идеализировал реформы, боготворил императора Александра II, но, с другой стороны, как честный человек, он видел, какие глубокие противоречия в обществе породили реформы, к каким тяжелым для народа последствиям они приводили.

В февральском выпуске «Дневника писателя» 1876 г. Достоевский поместил очерк «О любви к народу. Необходимый контракт с народом». Критикуя грубость, отсталость, невежество простого народа, он в то же время верил в возможность его возрождения: «...Судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно вздыхает. Нет, судите наш народ не по тому, чем он есть, а по тому, чем желал бы стать. А идеалы его сильны и святы, и они-то и спасли его в века мучений; они срослись с душой его искони и наградили ее навеки простодушием и честностью, искренностью и широким всеоткрытым умом, и все это в самой привлекательном гармоническом соединении» [Там же: 43]. Писатель приводил примеры исторических идеалов русского народа – Сергей, Феодосий Печерский, Тихон Задонский.

Достоевский продолжал отстаивать мысль о единении русского народа с интеллигенцией, причем народу в этом союзе отводилась решающая роль. «Что лучше – мы или народ? Народу ли за нами или нам за народом? <...> Я отвечаю искренно: напротив, это мы должны преклониться перед народом и ждать от него всего, и мысли и образа; преклониться перед правдой народа и признать ее за правду...» [Там же: 44–45]. Тему русского народа писатель продолжил рассказом «Мужик Марей», сюжет которого был навеян детскими воспоминаниями. Встреча десятилетнего Федора с крепостным крестьянином произошла в имении его отца Даровое в августе 1831 г. В крестьянине Достоевский увидел зрелую силу и такие свойственные русскому человеку качества, как храбрость, спокойствие, рассудительность, доброта и душевная щедрость. В 1850 г. на

каторге Достоевский встретил иной – противоположный тип мужика Марей. Оба типа уживались в одном человеке. Мужик Марей оказал сильное влияние на формирование личности писателя, который проникся глубоким уважением к простому русскому человеку.

В статье «Примирительная мечта вне науки» Достоевский вновь возвращался к теме величия русского народа как лидера других народов: «Всякий великий народ верит и должен верить, если только хочет быть долго жив, что в нем-то, и только в нем одном, и заключается спасение мира, что живет он на то, чтоб стоять во главе народов, приобщить их все к себе воедино и вести их, в согласном хоре, к окончательной цели, всем им предназначенной» [Достоевский 1983: 25: 17]. Писатель обращался к русскому народу: «У нас всех, русских, – эта вера есть вера всеобщая, живая, главнейшая; все у нас этому верят и сознательно и просто, и в интеллигентном мире и живым чутьем в простом народе, которому и религия его повелевает этому самому верить» [Там же: 19–20].

В очерке «Несколько заметок о простоте и упрощенности», опубликованном в октябрьской книжке «Дневника писателя» за 1876 г., Достоевский говорит о существовании двух типов России – высшей и народной, оторванности одной России от другой. Ранее в ряде публикаций Достоевский уже поднимал этот вопрос. В статье «Книжность и грамотность» он писал: «Русский народ отстал от высшего своего сословия, раздвоился с ним еще со времен реформ» [Достоевский 1979: 19: 113]. А в статье «Два лагеря теоретиков» звучала близкая по смыслу мысль: «...Мы разобщены с народом, что история вырыла между им и нами пропасть...» [Достоевский 1980: 20: 17].

Достоевский в статье «Два лагеря теоретиков» предлагал собственный проект улучшения народной жизни. «Без соединения с народом никогда, пожалуй, не удадутся высшим классам и попытки улучшить общественный быт страны. <...> В чем сближение с народом? 1) Распространить в народе грамотность. ...Позаботиться об его умственном развитии. 2) Облегчить общественное положение нашего мужика уничтожением сословных перегородок... 3) ...Нужно несколько преобразиться нравственности и нам самим. Нам нужно отказаться от наших сословных предрассудков и эгоистических взглядов» [Там же: 19–20].

Сам того не подозревая, Достоевский выступал против фундаментальных основ Российского государства – сословного устройства и привилегий высшего сословия. Во второй статье «Книжность и грамотность» Достоевский предлагал свой проект чтения для народа, в который включал биографии выдающихся исторических деятелей России – Ермака, Минина, Ломоносова, Кулибина; серию статей о русских городах и территориях – Москве, Петербурге, Киеве, Сибири; рассказы по всемирной истории об Александре Македонском, Наполеоне, Колумбе, Царьграде [Достоевский 1979: 19: 41]. Интересна мысль писателя о том, что народу следует дать возможность знакомиться с песнями русских поэтов, в частности, Алексея Кольцова [Мелешенко 2004: 10].

Публицистическим сочинениям Достоевского свойственна определенная идеализация русского народа. В статье «Два лагеря теоретиков» автор писал: «Народ наш с беспощадной силой выставляет свои недостатки и пред целым светом готов толковать о своих язвах, беспощадно бичевать самого себя; иногда даже он несправедлив к самому себе, – во имя негодующей любви к правде, истине...» [Достоевский 1980: 20: 22].

Мы при анализе роли русского народа в историческом развитии России в оценке Достоевского полагаем несколько тезисов, которые, на наш взгляд, важны при раскрытии представлений писателя о русском народе. Во-первых, Достоевский преувеличивал стремление русских людей к самоочищению, самосовершенствованию, нередко противоречил сам себе, говоря в то же время о социальных язвах, негативных сторонах образа жизни народа – пьянстве, разврате и других социальных пороках.

Народ, безусловно, был в меньшей степени виноват в этих пороках, чем правители и государственная власть. Во-вторых, даже если народ в основной своей массе осознал бы необходимость преодолеть то зло, в котором он погряз, то что бы преодоление этого зла дало бы ему с точки зрения достижения благосостояния, социальной справедливости, душевного спокойствия и нравственного равновесия и т.п.

Достоевский размышлял о своеобразии русского народа. Что значит стать русским? – задавал он вопрос. И отвечал сам на него в статье «Мы в Европе лишь стрюцкие» (Дневник писателя. 1877. январь): «Стать русским, во первых и прежде всего. Если общечеловечность есть идея национальная русская, то прежде всего надо каждому стать русским, то есть самим собой, и тогда с первого шагу все изменится. Стать русским, значит перестать презирать народ свой. И как только европеец увидит, что мы начали уважать народ наш и национальность нашу, так тотчас же начнет и он нас самих уважать» [Достоевский 1983: 25: 22].

В февральском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (очерк «Ягодки») Достоевский обратил внимание на исторический возраст русского народа: «Мы, русские – народ молодой; мы только что начинаем жить, хотя и прожили уже тысячу лет...» [Достоевский 1981: 22: 72]. Сквозной темой «Дневника писателя» на протяжении всех лет издания стала тема места и роли России в европейской и мировой цивилизации. Она получила всестороннее и полное освещение на страницах «Дневника писателя» в очерке «О том же»: «...Вдруг вся эта Россия просыпается, встает и смиренно, но твердо выговаривает всенародно прекрасное свое слово...» [Достоевский 1983: 23: 161].

С особой силой Достоевский подчеркивал роль Москвы в истории России. «...Потому и Москве, этому центру великоруса, – еще долго, по моему, жить, да и дай бы бог. Москва еще третьим Римом не была, а между тем должно же исполниться пророчество, потому что «четвертого Рима не будет», а без Рима мир не обойдется. А Петербург теперь больше чем когда-нибудь вместе с Москвой заодно», – писал он в очерке «Областное новое слово» (Дневник писателя. 1876. май) [Ключевский 1989: 10].

Одним из путей спасения и возрождения России мыслитель полагал единый народный дух. «Мы же утверждаем, что вмещать и носить в себе силу любящего и всеединящего духа можно и при теперешней экономической нищете нашей, да и не при такой нищете, как теперь. Ее можно сохранять и вмещать в себе даже и при такой нищете, какая была после нашествия Батыева или после погрома Смутного времени, когда единственно всеединящим духом народным была спасена Россия» (Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине. 1880) [Достоевский 1984: 26: 132].

Мыслитель верил в способность России преодолеть все преграды и прийти к новой жизни: «Могуча Русь, и не то еще выносила. Да и не таково назначение и цель ее, чтоб зря повернулась она с вековой своей дороги, да и размеры ее не те. Кто верит в Русь, тот знает, что вынесет она всё решительно...» (Разговор мой с одним московским знакомым. Заметка по поводу новой книжки // Дневник писателя. 1877. июль-август) [Достоевский 1983: 25: 174]. Многие теоретические рассуждения Достоевского в публицистических сочинениях перекликались содержательно с идеями его художественных произведений. Так, в романе «Братья Карамазовы» звучала мысль о русском народе как спасители России. «От народа спасение Руси... сей народ – богоносец» [Достоевский 1976: 14: 285]. И далее: «А Россию спасет господь, как спасал уже много раз. Из народа спасение выйдет, из веры и смирения его. Отцы и учителя, берегите веру народа, и не мечта сие...» [Там же: 286].

Достоевский готовил и издавал «Дневник» до самой смерти 28 января 1881 г. (за исключением перерыва, связанного с написанием романа «Братья Карамазовы»

в 1878 – 1880 гг.). В 1880 г. вышел единственный номер «Дневника» со знаменитой речью писателя о Пушкине. Последний номер «Дневника» был подготовлен в январе 1881 г. незадолго до смерти. В нем Достоевский вновь вернулся к теме исторических корней русского народа. «Дневник писателя» оказался чрезвычайно популярным изданием. Его читала, над его материалами задумывалась вся мыслящая Россия. Посредством приобщения к проблемам «Дневника» Достоевский превратился в мыслителя-пророка. Публика с нетерпением ожидала выхода в свет его новых произведений [Туниманов 1966: 8].

Таким образом, анализ социально-политических и исторических воззрений Ф.М. Достоевского, представленный в статьях, заметках, публицистических очерках «Дневника писателя», позволяет сделать вывод о глубоком и постоянном интересе мыслителя к актуальным и острым проблемам социальной истории России. Причем он исследовал разные периоды и темы отечественной истории, начиная от эпохи средневековья и завершая современными проблемами, связанными с преобразованиями российского общества. Особое внимание писатель уделял роли российских правителей в проведении социально-политических и исторических преобразований. Достоевский верил в способность русского народа при поддержке со стороны верховной власти к преодолению социальных пороков, к возрождению, социальному и духовно-нравственному прогрессу. Эта вера значительно укрепилась при наблюдении преобразований Александра II, которого он боготворил и считал идеалом монарха. Не всегда и не во всём в оценке исторических событий и процессов писатель был прав. Нередко историческая правда подменялась желанием видеть существующее положение дел лучше, чем было оно на самом деле. Но ему нельзя отказать в искренности мыслей и чувств, когда он говорил о роли и значении России и русского народа в развитии человеческой цивилизации. Многие поставленные писателем темы российской истории оказались весьма актуальными, полезными и современными для решения проблемы выбора путей развития России.

Библиографический список

- Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1988.
- Достоевская А.Г.* Воспоминания. М.: Правда, 1987. 560 с.
- Мелешенко Е.В.* Письма Ф.М. Достоевского в контексте исследования личности и творчества писателя: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. 29 с.
- Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. 5. Отмена крепостного права // Ключевский В.О. Соч.: в 9 т. Т. 5. М.: Мысль, 1989. 480 с.
- Туниманов В.А.* Художественные произведения в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1966. 36 с.